

¹⁷ УКМ. Ф. 4. Оп.1. К. 42. Д. 44.

¹⁸ УКМ. Ф. 4. Оп.1. К. 42. Д. 45.

¹⁹ УКМ. Ф. 4. Оп.1. К. 42. Д. 46.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² УКМ. Ф. 4. Оп.1. К. 42. Д. 47 (1,2).

²³ УКМ. Ф. 4. Оп.1. К. 42. Д. 48, 49.

²⁴ УКМ. Ф. 4. Оп.1. К. 43. Д. 50.

²⁵ УКМ. Ф. 4. Оп.1. К. 72. Д. 106 (49).

²⁶ УКМ. Ф. 4. Оп.1. К. 49. Д. 85 (1).

²⁷ УКМ. Ф. 4. Оп.1. К. 49. Д. 85 (2).

²⁸ УКМ. Ф. 5. Оп.1. К. 27. Д. 49 (1-6); Там же. К.28. Д.49 (7-11), Д.50 (1-10), Д.51 (1-2); Там же, К.29. Д.53 (1-7); Там же, К.34.Д.59 (1-10).

²⁹ УКМ. Ф. 10. Оп.1. Д. 2, 6, 7, 8, 9, 10.

Т.М. Кригер

Чагодощенский район

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ РОДА СТРАХОВЫХ

*записки краеведа**

Настоящая работа является продолжением статьи Н.А. Бритвиной «Подполковник и кавалер Н.Ф.Страхов», опубликованной в альманахе «Недаром помнит вся Россия...», посвященном 160-летию В.В.Верещагина и 190-летию Бородинского сражения. Собранный архивный материал позволяет проследить историю фамилии Страховых, жизненный путь ее отдельных представителей, воссоздать мир провинциальной дворянской усадьбы на территории Устюженского края.

Архивные изыскания позволили установить несколько имен представителей рода Страховых, а именно:

1. Третьяк Федоров, сын Страхов, по сведениям от 1572 г. награжденный поместьем в 70 четвертей (100 га - прим. авт.).

2. Втор Страхов в 1581 году состоял при дворе Ивана IV. О нем известно, что «... послан был на встречу присланному от Римского папы Григория XIII послу Антонио Пассевино и сидел с ним у Государя за обедом».

3. Калипа Страхов с 1627 года состоял в Верхотурье на воеводстве. Известно, что через Верхотурье проходила дорога в Сибирь, там располагалась таможня и ссыльная тюрьма для государственных преступников.

4. Федор Никитин сын Страхов «служил по Новгороду и за примерную службу» в 1671 году награжден денежной премией.

5. Борис Страхов с 1643 г. служил царю Алексею Михайловичу, участник двух войн с Польшей, награжден поместьями в Бежецкой пятине Новгородского уезда - деревней Черенск с лесом, полями и пустошами.

6. Федот Борисов, сын Страхов, за безупречную многолетнюю собственную и отцовскую службу был награжден Петром I уменьшением налогообложения с поместий в 5 раз. Указом от 21 января 1707 года поместья были переданы в собственность Страховым. 14 марта 1722 года Федот Страхов присутствовал на дворянском смотре в Сенате и Герольдмейстерской конторе, где он представил трех сыновей и был «отставлен от службы девяноста осьми лет» с отметкой «стар и дряхл». О детях Федора Страхова имеются следующие сведения: Иван Страхов - прапорщик Нижегородского драгунского полка, Таврило Страхов - чиновник камер-коллегии, Варфоломей Страхов - прапорщик Троицкого драгунского полка.

7. Игнатий, сын Ивана Страхова, морской офицер, капитан 2-го ранга, был дедом Н.Ф. Страхова, героя Бородинской битвы. Об отце Н.Ф.Страхова, Федоре Игнатьевиче, сведений пока не обнаружено.

Таким образом, установлена генеалогия устюженской ветви рода Страховых начиная со второй трети XVII в. до последней трети XIX в. Эти двести лет вместили в себя жизни семи поколений: от Бориса Страхова, служилого дворянина времен царя Алексея Михайловича, до Константина Николаевича Страхова, устюженского потомственного дворянина, умершего в 1875 г. Со Страховыми - Третьяком, Втором, Калипой и Ерофеем, сыном Петровым, чья надгробная плита находится в родовой усыпальнице Страховых на кладбище села Покровское - эта ветвь находится в несомненном родстве, степень которого пока не установлена. Факт родства подтверждает тот факт, что при занесении фамилии Страховых в VI часть Дворянской родословной книги и присвоении фамильного герба, была дана ссылка на службу вышеперечисленных дворян, как подтверждение заслуг и древности рода. Недаром на гербе рода Страховых изображены две подковы - геральдический символ ратной службы дворян в кавалерии. Наличие подков в гербе дворянской фамилии также сви-

детельствует о татарском, а точнее о «золотоордынском» происхождении». Косвенным подтверждением этого служит негеральдическая фигурка голубя, повернутая влево, как символ обращения в христианскую веру. Вероятно, Страховы произошли от крещенных татарских князей, которые, начиная с последней четверти XIV в. переходили на службу к русским князьям. Как правило, они служили в коннице, и их потомки являлись одним из источников формирования слоя служилого дворянства в XV в.

Достоинно служили Страховы Отечеству и Государю и на гражданской службе. Так, сын Варфоломея Страхова Иван в начале XIX века служил в коллегии иностранных дел в чине действительного статского советника. Но и выйдя в отставку, будучи провинциальными помещиками, Страховы оставались людьми деятельными.

Усадьба устюженских помещиков Страховых, село Залужье, находилась на Тихвинском тракте в 60 верстах от уездного города Устюжны. Ныне это д. Залужье Покровской сельской администрации Чагодощенского района. Усадьба, предназначавшаяся для длительного проживания, располагалась в живописном месте, на возвышенности. С усадьбой соседствовали деревни Фишово, Старое Село, Зубово, Яхново, Остров, Окулово, Мешурово. Владельцем усадьбы был Николай Федорович Страхов, позднее его сын Константин. Впоследствии хозяйкой усадьбы стала Екатерина Константиновна, в замужестве Осипова. Парковый ансамбль Залужского имения отличался продуманностью и организованностью. Основу композиции пейзажной его части составлял природный ландшафт с холмистым рельефом. С запада вдоль тракта тянулась к дому дубовая аллея, по другую его сторону - стройный ряд елей. К дому вела дорожка, обрамленная липами. Дом, деревянный, одноэтажный, был весьма скромным по архитектуре, но достаточно просторным. Вход в дом был оформлен портиком. Дом утопал в плодовом саду. Позади дома располагался пруд. От дома к пруду вела мощеная дорожка, огибавшая пруд по периметру. По берегам пруда были расставлены скамейки и выстроены беседки. С севера над прудом возвышалась морена, поросшая высоким сосняком и вереском. Здесь в изобилии росла земляника. С вершины насыпи в пруд стекал родник. Южная оконечность морены была срезана вертикально, в образовавшейся стене был вырыт грот, вход в который преграждал водопад, создаваемый родниковой водой, которая дальше несколькими каскадами сбегала в пруд. Детям дозволялось купаться в пруду, но полоскать белье и пускать птицу не разрешалось. Композиция паркового ансамбля формировалась под явным влиянием романтизма и сентимен-

тализма. Парк воссоздавал образ мифической Аркадии, место идеальной, беззаботной, счастливой жизни, идиллическое настроение близости к природе. На территории усадьбы располагалось 6 жилых построек, в том числе для прислуги. В отдалении от барского жилья находилось 12 хозяйственных строений: конюшни, скотные дворы, амбары для хранения зерна, гумна, риги для просушки льна. Из этих построек сохранилось лишь здание каретника. Его мощный фундамент, изготовленный из больших камней, не деформировался до сих пор. В основания углов помещены валуны прямоугольной формы, придававшие устойчивость конструкции.

Из сельскохозяйственного инвентаря в барском хозяйстве использовались плуги и веялки - сортировки. На полях применялся четырехпольный севооборот с посевом клевера, что свидетельствовало об использовании передовых агрономических технологий того времени. На реке Кобоже была поставлена мельница «о двух поставах и толчея при ней». Использование двух жерновов увеличивало ее мощность. Толчея, небольшая мельница, вероятно, использовалась для получения льняного и конопляного масла. По берегу реки Кобожи простирались лесные угодья Страховым. Недалеко от мельницы располагался лесопильный завод. Это место до сих пор называется «страховским».

Основным занятием крестьян, принадлежавших Страхову, было земледелие. В 1854 г. помещик Николай Федорович Страхов владел 348 крестьянскими душами. Земельные наделы были распределены между крестьянами чересполосно, т.е. крестьянский надел составляли в равной степени плодородные участки и менее плодородные, располагавшиеся в низинах, где в дождливое лето урожай вымокал. Покосы сдавались крестьянам оброчно «заливные исполу, суходольные - из трети». «Исполу» означало, что половину сена нужно было отдать собственнику земли, помещику Страхову, державшему большие стада скота. На заливных, пойменных лугах произрастало густое, сочное разнотравье. Сено с таких лугов особенно ценилось. «У коровы молоко на языке» - говаривали в старину. Суходолы ценились меньше, урожай трав на них был скуднее, отсюда норма оброка за их использование, предназначенная владельцу угодий - треть заготовленного крестьянином сена.

Показательно письмо, датированное 1838 годом, адресованное Николаю Федоровичу Страхову, в котором его брат Петр Федорович просит совета в делах, относящихся к ведению помещичьего хозяйства.

«Милостивый Государь Братец Николай Федорович. Очень я вам благодарен за участие, которое вы берете за мои выгоды, я и спешу написать вам свои мысли. Ежели Василий Михайлов после выкупа из рекрутов принужден платить оброк, тогда, конечно, выгодно его удержать, но я думаю, что он, раз выкупившись, не обязан ничего своему барину. А второе, ежели ему теперь отдать дочь Ивана Иванова и после, когда очередь его идти в солдаты, братья откажутся его выкупить, тогда я потерял мужика и женщину. Я вам написал все, чтобы вы были так добры установить это дело таким образом, чтобы после не раскаиваться. Еще вопрос. Теперь моя очередь давать рекрута из этих 5 братьев или нет? Ежели нет, и девка отдана, тогда через два года Бог знает, что будет. Написав вам все мои сомнения, я совсем положусь на вас, потому что вы не захотели бы советовать, чего сделать не можно. С истинным почтением ваш покорный слуга...».

Судя по письму, Николай Федорович, будучи на тот момент уездным предводителем устюженского дворянства, был человеком, достаточно осведомленным в законах. Причиной же нежелания Петра Федоровича Страхова отдавать женатого крепостного крестьянина в рекруты являлось то, что согласно законам того времени жена солдата выходила из крепостной зависимости, что, естественно, было не выгодно помещику. Рекрутчина была одинаково нежелательна и для крестьянских семей и для помещика.

Для осмысления взаимоотношений помещика и его крестьян очень важен и интересен еще один документ - жалобы Н. Ф. Страхова уездному предводителю дворянства и в дворянскую опеку о неповиновении крестьян.

28 июля 1948 г. Н. Ф. Страхов приобрел на публичных торгах в Московском опекуном совете имение - деревни Ярцево и Денисово. 6 августа он предъявил квитанцию о покупке имения Устюженской дворянской опеке, которая должна была дать распоряжение о передачи Страхову прав владения. В то же время крестьяне купленных деревень собирают деньги и отправляют двух делегатов в Москву «для отыскания права свободы». Вот что по этому поводу пишет историк П.А. Колесников в монографии «Устюжна»: «... когда Страхов приехал вступить во владение новым поместьем, крестьяне единодушно отказались выполнять его распоряжения. Десять лет продолжались волнения. В поддержку «мятежников» выступили крестьяне из деревни Избоищи, которые составили об этом особый приговор. Страхов послал донесения уездному предводителю дворянства и в дворянскую опеку о неповиновении крестьян». В своем проше-

нии от 9 сентября, адресованном уездному предводителю устюженского дворянства Н.Ф.Страхов высказывал обеспокоенность подобным состоянием дел: «...уверен, что это ни к чему не приведет, как к одному истощению в достоянии, и я должен буду принять их истощенными». Однако жалобы помещика оставались без внимания. Страхов долго не мог вступить во владение купленным имением.

П.А. Колесников характеризует села в округе как промысловые. Трудоспособное мужское население уходило на заработки. В большинстве своем крестьяне были заняты на работах по обслуживанию Тихвинского канала в качестве гребцов, бурлаков, грузчиков, плогонов. В 1840-х гг. от 7 до 10 тысяч рабочих Тихвинской водной системы были выходцами из Устюженского района. Отходничество и являлось в определенной степени причиной вольных крестьянских умонастроений.

Из жалобы Страхова узнаем, что крестьяне деревни Избищи помогали крепостным крестьянам Страхова «по связи родства и хлебосольства», а сами крепостные проявляли нерадивость. В октябре Страхов через исправника пытался выяснить причины недовольства им со стороны крестьян деревни Избищи. Исправник опросил несколько человек и зафиксировал их ответы в «подписках», заверенных местным приходским священником: «Самостоятельные крестьяне единогласно отзывались, что от <Страхова> их семейства притеснений никаких не имеют, <об> обидах <им> делаемых не слышали...». Между тем возник конфликт между помещиком Страховым и крестьянином Ефимом Елисеевым, сельским церковным сборщиком. Вот как описывает это П.А. Колесников. Страхов «пытался сослать в Сибирь главного зачинщика, избищанина Елисеева, «как вредного человека в имении, угрожавшего опасностью жизни помещика». Елисеев укрывается в доме местного священника Александра Иваницкого, сочувствовавшего мятежникам. Эти волнения привлекают внимание уездной администрации, о них дошли вести в Новгород и в Москву. Шли годы, но крестьяне так и не признавали своего нового владельца, который вынужден был заявить о передаче купленных деревень своему сыну Константину».

Эти сведения нуждаются в уточнении. Страхов неоднократно обращался в уездную администрацию и к губернскому предводителю дворян. Ефим Елисеев был не жителем деревни Избищи, а крепостным Страхова, которого тот «за ... грубость, неповиновение и самовольные отлучки в деревню Избищи, как вредного человека в имении и угрожавшего опасностью ... жизни <помещика>» и решил удалить. Священник Александр Иваницкий, укрывший Елисеева, не выдал мятежника сельскому старосте, сказав, что отправил его к государю в Санкт-Петербург.

Страхов писал просьбы и жалобы, где ссылался на соответствующие статьи законов, прибегал к опросам крестьян, всячески пытался затушить конфликт, характеризуя себя в многочисленных ходатайствах как радетельного барина: «..все мои крестьяне (находящиеся в других имениях - прим. авт.) до 400 душ находятся в спокойном состоянии и кротком повиновении», «.. около 30 лет владеющий крестьянами и не имеющий жалоб». Крестьяне были недовольны тем, что их новый владелец принуждал их вернуться с оброка и осесть на земле, отказаться от более вольной жизни отходников и заработков от отходничества. Можно предположить, что священник Иваницкий, покрывающий мятежников, также был обеспокоен вероятным уменьшением денежных доходов церкви. Если крестьяне будут работать на барщине, наличных денег у них бы значительно поубавилось.

Судебная волокита по рассмотрению дела Страхова приняла затяжной характер. Так, в 1851 году для рассмотрения данного дела была учреждена комиссия, в состав которой вошли чиновник министерства внутренних дел, действительный статский советник Александр Дмитриевич Игнатъев, от министерства юстиции действительный статский советник Строев, от корпуса жандармов полковник Станкевич и «от духовной стороны» архимандрит Игнатий. В 1862 году по особым указом от 28 февраля 1861 года документы по делу помещика Страхова были направлены на рассмотрение в Сенат. 20 ноября 1862 года все документы по делу Страхова были переданы «по миновании надобности» из канцелярии в архив. Преклонные годы, подорванное здоровье стали причиной передачи Н.Ф.Страховым имения детям - сыну Константину и дочерям, о чем он и сообщил в письменном виде через зятя, полковника Николая Васильевича Коковцева губернскому предводителю новгородского дворянства князю Александру Илларионовичу Васильчикову.

8 сентября 1861 года отставной подполковник Н. Ф. Страхов, проживавший в то время в Санкт-Петербурге, и отставной коллежский регистратор Петр Федорович Страхов заключили договор, по которому Константину Страхову переходило по доверенности село Залужье с деревнями Боровичского уезда, деревня Овсяниково со всеми усадебными принадлежностями, землями, двумя лесопильными заводами, двумя маслобойнями и бумажной фабрикой, бездействующей на тот момент. Константину вменялось в обязанность выплачивать содержание отцу из доходов имений 200 рублей серебром в месяц, что составляло 2400 рублей в год, а дяде - 300 рублей серебром в год. Были оговорены и иные условия: если «...Петр Страхов будет иметь постоянное проживание в сельцо Залужье, то я, Кон-

стантин Страхов, обязуюсь доставлять от себя содержание как ему, так и находящемуся при нем в услужении человеку и фураж его лошади», а также «...содержание отцу моему в течение временного приезда его в означенную усадьбу Залужье равно прислугу при нем находящуюся и фураж на 5 лошадей». Условия договора учитывали и принятый 19 февраля того же года закон об отмене крепостного права: «...если последует выкуп крестьянами земель и прекратятся между ними все обязательные отношения к помещику, то означенная в сем условии плата денег должна измениться».

Константин Николаевич Страхов скоропостижно скончался в возрасте 52 лет 14 июня 1875 г. в деревне Максимовке. Тело К.Н.Страхова согласно разрешению императора Александра I было похоронено в селе Залужье Устюженского уезда на родовом кладбище. Со смертью Константина угасла фамилия Страховых в Устюженском уезде. Потомки этого рода по женской линии носили фамилии: Осиповых, Оношкевич - Яцина, Андреевских. Так, последними владельцами усадьбы в Залужье были Осиповы. Известно, что стараниями Екатерины Константиновны Осиповой была построена больница для крестьян. А отчет земской управы Устюженского уезда за 1910 г. отмечал благотворительную деятельность генерал-лейтенанта Н.В.Осипова, в т.ч. как попечителя Покровской-Черенской земской школы.

О личной жизни Николая Федоровича Страхова известно немного. Женился он после 1821 года, т.е. после выхода в отставку. Его жена Екатерина Максимовна, урожденная Шварц, дочь генерала из Тверской губернии, умерла во время родов в возрасте 33 лет, оставив четверых детей - Константина 11 лет, Аделаиду 8 лет, Елизавету 3 лет и новорожденную Клавдию. Атмосферу тепла, взаимной заботы и любви в семье воссоздает письмо Аделаиды к отцу: «Милый и любезный Папенька. Вот уже три месяца, как я лишена удовольствия видаться с Вами и при всем том я должна усердно молиться Богу о сохранении Вашего здоровья за все то нежное попечение, которое Вы обо мне имели. Я стараюсь учиться рисовать, и когда выучусь, то нарисую Вам какую-нибудь картинку. Уверена, что это утешит Вас. Поздравляю Лизу с драгоценным днем ангела, как бы мне хотелось быть вместе с Вами, но лишена этого удовольствия. Я думаю, в этот день она не вспомнит обо мне, потому что займется своими куклами и будет в большом удовольствии, забудет меня. Но я каждую минуту о Вас вспоминаю. Я получила голубую и пунцовую ленточки. Прощайте, душечка Папенька. Мысленно целую Ваши ручки, а также тетеньки и дяденьки, Костю и остаюсь покорная дочь А. Страхова».

Аделаиде было 18 лет, когда она по окончании Патриотического института в Петербурге вышла замуж за Николая Васильевича Коковцова, который был старше ее на 12 лет. Этой дворянской семье принадлежала усадьба в Горно-Покровском.

Усадьба Коковцевых в Горно-Покровском располагалась на высоком берегу реки Кобожи. Ныне это деревня Горны Боровичского района Новгородской области. До сих пор сохранилась аллея, известная как «барынькина», когда-то ведущая от барского дома к церкви.

Мир дворянской усадьбы представлен в мемуарах Владимира Николаевича Коковцева, сына Аделаиды Николаевны, урожденной Страховой, внука Николая Федоровича Страхова. История их написания связана с эмигрантской жизнью В.Н.Коковцева: «На собрании бывших лицейстов в Париже в годовщину основания Лицея 1 ноября 1934 года был поднят вопрос о желательности собрать воспоминания всех, кто хотел бы припомнить свои лицейские годы и оставить свои наброски для той поры, когда кто-нибудь вздумает когда-либо привести их в порядок и воспользоваться для включения их в историю Императорского Государственного Лицея...». Воспоминания В.Н. Коковцева являются ценным источником для изучения быта провинциального дворянства. Приведем небольшой отрывок, посвященный усадьбе Коковцевых. «Наша Горна отстояла от линии Николаевской железной дороги на 148 верстах, из которых 76 <ехать> по почтовому перегону, а 72 - по проселочным дорогам такого качества, что многим это просто недоступно понять теперь. От ближайших городов <Боровичи и Устюжна - прим. авт.>мы были в 95 и 110 верстах.... Почта ходила два раза в неделю. Соседей кругом почти никого не было, если не считать мелкопоместных или обширного круга семьи со стороны матери, отдаленного от нас сотнями верст в <Тверской> губернии, сношения с которыми имели скорее характер сложных экспедиций для представления молодого поколения старшему. Такие экспедиции требовали 4 -5 дней пути, ... с остановками на ночлеги и дневки у попутных родственников и знакомых, и не более 2 -3 недель для отлучки... Имение дедушки Н. Ф. Страхова было всего в 35 верстах от Горн», это расстояние считалось близким. По пути в Залужье Коковцевы останавливались в имении генерал-адъютанта, князя Масальского, селе Избоищи (ныне д.Избоищи, Избоищской сельской администрации Чагодощенского района - прим.авт.). Князь Масальский был другом дедушки В. Н. Коковцева по отцовской линии - Владимира Максимовича Шварца.

Коковцев так вспоминает свое детство в отчете имении: «Поля убраны, и осенний посев уже сделан. Молотить еще рано. День стал

короток, и начались сплошные дожди. Дороги испортились, и даже в саду стало трудно проходить по размокшим дорожкам. В окна вставлены зимние рамы, и скоро начнут топить. Нам, детям, все это было не важно, у нас есть куда сбегать, даже вопреки начальственным окрикам, есть и кого и что навестить, лишь бы не очень промочить обувь и загрязнить пол при входе с черного крыльца, так как с белого возвращаться после слякоти не полагается». Дети умели себя занять, но одновременно чувствовали ответственность за свои поступки. С ранних лет их приучали к порядку, воспитывали уважение к труду, даже к труду прислуги, бережливость. Отец приучал детей к хозяйственным делам. Владимир Коковцев к 8-9 годам «отлично знал ... все сельскохозяйственное устройство». Коковцев писал: «.. Когда отец брал меня с собою на дальние покосы, или на поездки его по хуторам - это было таким событием, что я подолгу, как говорили сестры, «трещал», рассказывая то, что они и без меня хорошо знали».

Глазами ребенка представлена на страницах воспоминаний хозяйственная жизнь усадьбы: « Наступила самая интересная пора - весна. Тронулся лед, а за ним пошли вниз по реке Кобоже гонки заготовленного леса, сплавляемого вниз на Мологу и далее на Волгу. Вода начала спадать, и следом за гонками стал прибывать сверху реки лес в виде отдельных бревен, заготовленный для нашего лесопильного завода. Его нужно было остановить перед самой плотиною, перекинутою через реку особою преградою, что делалось простым сооружением, то есть связанными в длину бревнами, которые прикреплялись к обоим берегам реки и удерживали, таким образом, опущенные в воду бревна. Течение воды под бревнами было совершенно свободно, а сами бревна занимали все пространство реки от лесопильного завода и почти до конца нашего сада, откуда и мы выходили прямо в стоящую поодаль на самой дороге церковь».

Любое событие, будь то постройка приходского храма или нового завода, приобретало особую значимость для округа, нарушая привычный, размеренный ход повседневных буден.

«Конец 1862 и начало 1863 года были отмечены в жизни в Горнах двумя событиями, оставившими в моих детских воспоминаниях особенный след. Окончилась постройка прекрасного пятиглавого каменного храма, рядом с нашей маленькой деревянной церковью. Затем оканчивался постройкой и новый винокуренный завод, представлявший целое событие в нашей округе, не знавшем на далекое расстояние от Горн вплоть до обоих уездных городов - Боровичей и Устюжны, то есть в радиусе в 100 верст - никакого винокурения. Освящение храма произошло, как было предположено, но без приезда

архиерея, зато при огромном скоплении духовенства из всех приходов в округности на 20 и даже 30 верст от Горн и таком количестве крестьян, что не только храм, кладбище его окружавшее, и все пространство кругом церкви до нового винокуренного завода по всей дороге до нашего дома было запружено народом». Событие, связанное с освящением храма, совпавшее с днём празднования особенно почитаемой иконы Тихвинской Божьей Матери, 26-го июня, было ожидаемым, светлым праздником для всей округи. К тому же «..следуя давнему...обычаю, во всяком случае со времен нашего деда Василия Григорьевича, а вероятно и гораздо ранее, в этот день было приготовлено угощение для народа, как это делалось раньше и сохранилось вплоть до 1917 года.., как и угощение в день Покрова Пресвятой Богородицы, в честь которой и Горны назывались «Горна Покровское»». Приходской храм строился, в основном, на средства Коковцевых. «Расписывал его Алексей Михайлович..., проживающий рядом с погостом «Левочи» в 10-ти верстах от Горн, в собственном доме, против нашей второй мельницы на реке Кобоже, и <он> часто приезжал советоваться с отцом», «..когда все разные работы <по постройке храма> были окончены, к позолоте самого иконостаса было приступлено на месте, и эта работа поручена пользовавшемуся известностью в крае резчику Трошеву».

Праздники справлялись с соседями по имению. Яркие впечатления остались от празднования Рождества в 1862 году: «... по окончании танцев и снятии масок обнаружилось, что эти лихие плясуны были младший из наших двоюродных братьев, отставной полковник Бондровский по прозвищу «Папаша» и его ближайший друг и сосед по имению Иван Александрович Ушаков».

Даже социально-политические и экономические реформы мало что меняли в патриархальном укладе дворянской усадьбы. Автор вспоминает о событиях, связанных с освобождением крестьян от крепостной зависимости: «Отец объявляет о Манифесте Государя. Все желают остаться, кроме кучера Порфирия и повара Герасима. Порфирий ушел к Стромилковым, но скоро вернулся и жил <в усадьбе> много лет до самой смерти. Вернулся и Герасим».

Будучи людьми религиозными, родители воспитывали религиозное чувство и в детях. С детства Владимир «знал наизусть массу рассказов и стихов, не говоря о молитвах, которые знал хорошо, благодаря регулярным службам всенощной в доме и обедне в...старинной деревянной церкви». Вера в бога была глубокой и искренней. Один из эпизодов детских воспоминаний автора связан с болезнью маленького Володи и чудесным исцелением по молитве к Тихвинской Бо-

жьей Матери: «Няня попросила мать помолиться перед образом Тихвинской божьей матери, особенно чтимой в наших местах. Когда они кончили молиться, няня обратилась к нашей матери с просьбой дать обет свести меня в Тихвин к иконе Божьей Матери, если Бог пошлет мне исцеление и взять ее с собой... После окончания неведомой болезни и такого удивительного, поистине чудесного моего выздоровления, во всю мою долгую жизнь я отличался очень хорошим здоровьем».

Обучению детей уделялось гораздо меньше внимания, что, вероятно, было связано с постоянными отлучками отца: «..не легко давалась трудовая жизнь тем, кто сел на землю в нашем севере и взял в свои руки сложное дело по управлению большим имением и земельным имуществом с двумя заводами, винокуренным и лесопильным, и с хорошо налаженною лесною операцией», хозяйственными заботами матери: «.. около нея и под ея попечением и надзором было одновременно 7 человек в возрасте от 11 лет и до одного года».

В.Коковцев описывает отроческие годы: «В ту пору моего детства я должен отметить два разные по своим условиям периода: до наступления моего семилетнего возраста в 1860 году, когда два старшие брата уехали в Петербург и поступили в ту же вторую гимназию, и после этого момента мои три года, с 1860 до 1863 гг., когда и меня вместе с моими старшими сестрами Александрю и Екатериною увезли также в Петербург. Наши родители остались в имении с двумя младшими сестрами и только что родившимся в апреле 1863 г. моим младшим братом Федором. Осталась там, в сущности, одна мать, так как отец проводил, как и раньше, много времени в разъездах. До 1860 года я могу сказать, что меня не учили ни чему. Сам учился около моих старших сестер, и обе они иногда показывали то, что они делали сами. По их указаниям я, прежде всего, научился печатным буквам и, следовательно, чтению печатного шрифта. Никаких детских книг и букварей у нас не было, и я не знаю, были ли они вообще и в других более или менее зажиточных семьях, живших по деревням. Учебником была газета «Северная пчела», приходившая к нам два раза в неделю с почтовой станции на Тихвинско-Устюженском тракте в селении Избоищи, принадлежавшим князю Масальскому, отстоявшей в 17 верстах от Горн. За почтой ездил каждый раз, отвозя и нашу корреспонденцию, верховой мальчик. Научившись, как мне говорили сестры, чтению по печатному, я одолел, хотя и менее быстро, письменный шрифт, потому что списывал с тетрадей самодельного типа, сшитых домашним способом, из простой бумаги, выдаваемых для детских занятий с большой осмотрительностью, потому что приобретение ее требовало поездки в ближайшие города

Устюжну и Боровичи, отстоявшие от Горн в 95 и 110 верстах». Организация домашнего воспитания и обучения была весьма затруднительна для провинциального дворянства: «Приискание гувернеров, гувернанток и учительниц было делом величайших трудностей. Все желания и стремления не шли далее приглашения учительниц и наставниц из окончивших курс в столичных институтах Петербурга и Москвы и преимущественно из Николаевского Сиротского института. Этот институт был, так сказать, привилегированным рассадником учебного персонала, по крайней мере, во всей нашей округе.... осенью, зимой - тоска, уныние... гувернантки и другие пришлые страдают и стремятся удрать...». Французским языком занималась с сестрами мать, прекрасно им владевшая еще с институтской поры.

В 1860 году Владимир Коковцев поступил в гимназию в Санкт-Петербурге. Жил он на Сенной площади в четырехэтажном доме графа Стенбок-Фермора. Письма матери о жизни в деревне, о младших сестрах, ее приезд в Петербург в конце 1862 года были огромной радостью для мальчика. Осень 1861 года была омрачена болезнью деда: «.. наша мать получила сведения о тяжелой болезни отца - Николая Федоровича Страхова, приключившуюся с ним в Петербурге.» Аделаида Николаевна уехала ухаживать за отцом. Как известно, 12 января 1862 года Н.Ф.Страхов скончался, похоронен на Покровском кладбище в родовой усыпальнице. Через год семью постигло большое горе - скоропостижно скончалась мать в возрасте 37 лет, оставив восемь детей.

В дальнейшем Владимир Коковцев учился в Императорском Александровском лицее, окончив его с большой золотой медалью, в Императорском Петербургском университете.

Вершиной служебной карьеры В.Н.Коковцова является назначение его министром финансов и, в дальнейшем, после убийства П.А.-Столыпина, председателем Совета министров. Император Николай II так оценил деятельность Коковцова: «...Будучи поставлены во главе министерского управления, Вы сумели внести в важное дело руководства занятием Совета министров Вашу обширную государственную опытность и благоразумную осторожность...Я, в изъявлении моей благодарности за Вашу проникнутую всегдашним усердием, полезную России и мне деятельность, жалуя Вам Графское Российской Империи достоинство».

В ноябре 1918 года в 65-летнем возрасте В.Н.Коковцов эмигрировал из России. Умер и похоронен в Париже на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Его потомки - правнуки Жерар и Патрик, нося-

шие фамилию де Флиге, проживают во Франции. В 2003 году Жерар де Флиге побывал в Горнах и Покровском, на родине предков. Другие потомки Аделаиды Николаевны носят фамилию Андреевских. Один из них Анатолий Георгиевич Андреевский является основателем Международного фонда потомков русского дворянства имени В.Н.Коковцова в С.-Петербурге.

* При написании данного очерка были использованы материалы Российского государственного исторического архива (Ф. 1343. Оп.29/1619, ч.III Д. 7175), Государственного архива Новгородской области (Ф.138. Оп.1. Д.2095; Ф.141. Оп.1. Д.5), Государственного архива Вологодской области (Ф.914. Оп.1. Д.56; Ф.959. Оп.1. Д.73; Ф.1171. Оп.1. Д.5), архивного фонда Устюженского краеведческого музея, рукопись «Воспоминаний детства и лицейской поры графа В.Н.Коковцева» в переводе А.Г.Андреевского из фондов Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина; лит.:Арсеньев Ю.В. Геральдика. М.,2001; Колесников П.А. Устюжна. Архангельск, 1979.

В.С. Абраменков
Чагодощенский район

ЧАГОДОЩЕНЦЫ - УЧАСТНИКИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

из семейного архива

На русско-японскую войну был призван мой дед Илья Иванович Абраменков и брат моей бабушки Иван Никитич Жарков. По рассказам моей бабушки Натальи Никитичны, дед вернулся с этой войны раненый в плечо, также было задето легкое. Мой будущий отец, Семен Ильич Жарков, родился уже после демобилизации деда. Когда ему исполнилось 2 года, дед умер от ран и болезней в возрасте 38 лет. Дед рассказывал бабушке, что новобранцев везли до места назначения около месяца. Кормили солдат плохо, давали горсточку муки, из которой на саперной лопатке пекли лепешки. Брат бабушки, Иван Никитич Жарков, погиб. Дед, Илья Иванович Абраменков, привез медаль, на которой написано «Да вознесет вас господь в свое время», которая храниться как семейная реликвия.